

18+

Александр Гаврилов

СНЕЖНЫЙ СКАП

Александр Гаврилов

Снежный склеп

«Издательские решения»

Гаврилов А.

Снежный склеп / А. Гаврилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-693930-1

На севере страны, вдали от Уральских гор, расположено отдаленное поселение, с которым в разгар зимы внезапно пропала связь. Группа спасателей отправляется в поселение, но по пути сталкивается с загадочными событиями. В заснеженном поле они находят тело неизвестного мужчины, что сразу вызывает тревогу. Герои прибывают в поселение и обнаруживают, что все здания пусты. По мере исследования местности спасатели начинают слышать необъяснимые крики и жуткие звуки. Но самое страшное еще впереди.

ISBN 978-5-00-693930-1

© Гаврилов А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

СНЕЖНЫЙ СКЛЕП

Александр Гаврилов

«Когда буря закрывает все пути, дорога к спасению ведёт через собственный разум. И не каждый способен пройти этот путь, не потеряв себя».

© Александр Гаврилов, 2026

ISBN 978-5-0069-3930-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1963 год. К востоку от Уральских гор.

Снежная буря не утихала ни на минуту – с каждым часом она становилась всё яростнее, превращая мир вокруг в хаотичную смесь белых и серых оттенков. Густая пелена снега и вихри ветра лишили нас малейшей ориентировки. Видимость сократилась до нескольких метров – казалось, будто мы пробираемся сквозь молочную реку, где каждый шаг мог стать последним.

Нас было шестеро – отряд военных спасателей. Старшим группы назначили Виктора: мужчину средних лет, с глазами, в которых отражалось столько пережитых бурь, что их хватило бы на десяток жизней. Его хладнокровие и умение принимать взвешенные решения давно стали легендой среди коллег. Но были и изъяны, как у любого человека. Я не раз слышал истории о том, как он выводил людей из заваленных шахт, спасал альпинистов в пургу, находил заблудившихся в тайге. В тот день его опыт был нашим главным козырем.

Вместе с Виктором шли трое молодых мужчин (в том числе я) и три девушки – военные медики. Все мы были опытными поисковиками, не раз доказавшими свою компетентность. Каждый владел навыками выживания в суровых условиях: умел разводить огонь в сырую погоду (даже если дрова насквозь промокли); сооружать укрытия из подручных материалов (ветки, снег, брезент); ориентироваться на местности без карты и компаса (по звёздам, мху, склонам холмов).

Нашим назначением было небольшое поселение у подножия Уральских гор. Несколько часов назад в штаб поступил тревожный сигнал: короткий, обрывочный звонок от пожилого мужчины. В течение считанных секунд, прежде чем связь окончательно прервалась, он успел произнести лишь несколько фраз о какой-то опасности: «Она всех убила...» Что именно произошло – оставалось загадкой. Попытки повторно связаться с поселением оказались безуспешными: ни один из жителей больше не отвечал на вызовы.

Это вызвало серьёзное беспокойство. После срочного совещания было принято решение немедленно отправить группу. До поселения было около двадцати километров от нашего лагеря. Мы базировались там после посещения двух других поселений, с которыми удалось наладить контакт. В обоих случаях местные жители оказались в безопасности. Но с поселением у подножия гор связь установить так и не удалось.

Путь оказался невероятно сложным. Яростный ветер сбивал с ног, температура опустилась значительно ниже нуля, а снег, кружащийся в безумном хороводе, буквально ослеплял. Каждый шаг давался с огромным трудом: снег под ногами то и дело проваливался, обнажая коварные ледяные наросты. Мы двигались медленно, тщательно сверяясь с маршрутом, чтобы не сбиться с пути.

Наша экипировка внушала уверенность: тёплая многослойная одежда (сохраняла тепло даже при экстремально низких температурах); защитные маски (предохраняли лицо от обморожения); лыжи (были рассчитаны на длительное пребывание в глубоком снегу); аптечки первой помощи и высококалорийные пайки для поддержания энергии

Виктор периодически останавливал нас, чтобы проверить состояние каждого. Он внимательно осматривал лица, проверял пульс, спрашивал о самочувствии. Его главной задачей было убедиться, что никто не переохладился и не потерял силы. Мы все понимали: от наших слаженных действий зависели жизни людей. Это осознание придавало решимости преодолевать новые препятствия.

Когда мы преодолели примерно половину пути, впереди возник невысокий бугор, полностью укрытый толстым слоем снега. При ближайшем рассмотрении под ним обнаружилось тело мужчины средних лет. Я до сих пор не могу забыть его лицо. Плотное телосложение, лёг-

кая одежда, совершенно неподходящая для суровой зимней погоды... Лицо покойного застыло в выражении ужаса, а руки были судорожно сжаты, словно он пытался защититься от чего-то опасного и страшного.

Было очевидно, что мужчина замёрз насмерть. Но оставался главный вопрос: что могло заставить его в такой лютой мороз покинуть тёплое жильё и броситься в бушующую метель? Возможно, он кого-то искал или пытался сбежать от какой-то угрозы. Ответ на этот вопрос навсегда остался скрытым под покровом снега и времени.

Мы действовали чётко и слаженно: отметили место находки красными флажками; зафиксировали координаты, отметив примерное место на карте; провели первичный осмотр тела, зафиксировав все детали для последующей передачи спасательным службам.

Расположение трупа на открытой местности явно свидетельствовало: мужчина пытался убежать, не разбирая дороги, – возможно, в панике или стремясь избежать преследования. Следы на земле и окружающие детали указывали на хаотичность его движений. Состояние тела говорило, что оно пролежало здесь достаточно долго, подвергаясь воздействию суровой природы: сильного ветра, дождя и перепадов температуры. Кроме того, на теле были видны следы, которые могли быть оставлены дикими животными, – это указывало на их возможное вмешательство в процесс разложения.

После выполнения всех необходимых процедур мы продолжили путь. Пробираться сквозь снежную бурю становилось всё труднее: земля под ногами превратилась в мягкую, скользкую массу; снежная пелена сократила видимость до нескольких метров; порывы ветра усиливались, заставляя нас наклоняться почти до земли. Каждый шаг требовал колоссальных усилий.

Однако никакое снаряжение не могло подготовить некоторых из нас, включая меня, к эмоциональному удару, который сопровождал обнаружение тела. Для некоторых из нас это был первый подобный опыт – мы впервые столкнулись с человеческой смертью в таких обстоятельствах. Другие, более опытные, уже проходили через подобное. Они вспоминали случаи, когда находили тела людей, погибших из-за несчастных случаев в дикой природе или ставших жертвами нападений животных.

Все такие события оставляют глубокий след в памяти, напоминая о том, как неожиданно и резко может измениться наша жизнь. Они заставляют задуматься о том, насколько наша жизнь может быть хрупкой, и какие риски таит в себе мир вокруг нас, который кажется таким привычным и стабильным. В такие моменты становится особенно очевидным, что каждый день, проведенный в безопасности и комфорте, невероятно ценен. Мы редко задумываемся о таких вещах в повседневной суете, но подобные события заставляют остановиться и переоценить наши приоритеты.

Когда происходят трагические или сложные ситуации, мы начинаем лучше понимать, как важно чувство общности и поддержка окружающих. В такие времена особенно критично, чтобы люди объединялись, помогали друг другу, протягивали руку помощи тем, кто в этом нуждается. Это может быть, как простое слово утешения, так и конкретные действия, которые способны облегчить боль и страдания других. Ведь именно в моменты испытаний проявляется истинная человечность.

Кроме того, подобные ситуации напоминают о важности подготовки и осведомленности. Мы должны задумываться о том, как минимизировать риски, быть готовыми к неожиданным обстоятельствам и находить способы защитить себя и своих близких. Это может включать в себя как обучение навыкам первой помощи, так и создание условий для безопасной среды вокруг нас.

Глава 2

Мы продолжали путь, который выматывал нас до последней капли сил. Шаги были монотонны, ритм оставался одним и тем же: левая, правая, левая и правая. Глаза невольно скользили по однообразной панораме – серому небу, белёсым склонам, редким тёмным силуэтам деревьев. Усталость притупила бдительность: мы не заметили, как оказались на склоне холма.

Наше движение, синхронное, почти механическое, породило едва уловимую вибрацию. Сначала раздался лёгкий шелест, потом – хруст. Снежная кромка дрогнула, подалась, и в тот же миг мы потеряли опору. Спустя считанные секунды нас уже несло вниз вместе с рыхлым, предательски мягким снегом. Трос, связывавший нас ради безопасности, теперь стал нашей общей судьбой: шестеро, как одно целое, катились по склону, пытаясь ухватиться за что-то, – но тщетно.

Падение закончилось так же внезапно, как началось. Снег оказался неглубоким, мягко пружиня под телами, и, к счастью, никто серьёзно не пострадал, хотя у некоторых на коже уже начали проступать синяки и ссадины. Холод пробирался сквозь одежду, заставляя нас дрожать, но шок от неожиданности был сильнее – он ещё долго пульсировал в висках, отдаваясь гулким эхом в голове. Мы лежали, разбросанные, словно куклы, которые кто-то небрежно швырнул с высоты, а над нами раскинулось серое, бескрайнее небо, словно равнодушный свидетель произошедшего.

Первым чувством было недоумение – будто мир на мгновение сошёл с ума, а теперь медленно возвращался в норму. Затем пришло раздражение. Ещё не оправившись мы нервно поднимались, отряхивались, бросали резкие фразы – порой слишком резкие. В присутствии девушек сдержаться не удалось: злость искала выход, и слова лились потоком – проклятья в адрес снега, погоды, собственной неосторожности. Мы понимали: нельзя задерживаться, нужно идти дальше. Но уверенность, которая ещё утром казалась незыблемой, дала трещину. Каждый винил себя – за невнимательность, за поспешность; винил других – за то, что не предупредили, не остановили. Атмосфера сгустилась, словно воздух стал тяжелее. Однако собравшись с духом, мы начали помогать друг другу подняться. Руки дрожали, но движения были чёткими: отряхнуть снег, проверить снаряжение, взглянуть в глаза товарищу – убедиться, что всё в порядке. Мы старались не дать этому происшествию сломать нас.

Путь продолжился. Вокруг стояли голые деревья, их стволы были толстыми, корявыми, будто изваянными временем. И вдруг – знаки. Вырезанные на коре, грубые, неровные, словно кто-то торопился, не заботясь о красоте. Символы напоминали смесь примитивных рисунков и непонятных знаков: круги, линии, странные изгибы. Мы остановились и осмотрелись. Кто-то предположил, что это нелепая шутка нездорового человека из ближайшего поселения. Но тревога не уходила. Знаки выглядели чужими. Будто несли в себе скрытый смысл, который мы не могли разгадать.

Ещё два десятка шагов – и перед нами возник невысокий забор. Камни, сложенные вручную, были покрыты мхом, испещрены трещинами и сколами. Время оставило на них свой след. Рядом стояла старая деревянная тележка, доверху заваленная снегом. Но снег был не чистым: из-под него торчали пучки соломы, будто кто-то намеренно спрятал их там. Картина выглядела неестественно, даже зловеще. Мы замерли. Казалось, за нами наблюдают.

И тут пришло осознание: мы достигли цели. Перед нами было то самое поселение, с которым пропала связь. Мы достали карту, сверились с координатами – всё совпадало. Но тревога не отпускала. Мы столпились ближе, чтобы каждый мог слышать друг друга. Обсуждение было тихим, напряжённым. Остаться на месте или двигаться дальше? Решение давалось нелегко. Воздух будто давил на сознание, а тишина становилась всё более гнетущей. В конце концов мы решили: нужно добраться до первого попавшегося барака. Найти людей. Узнать,

что случилось в этом месте. Мы двинулись вперёд, но каждый шаг отдавался в груди тяжёлым стуком. Что ждало нас там, за этими стенами?

Глава 3

Мы шли уже несколько часов подряд, словно бесконечный путь растянулся перед нами, не оставляя надежды на скорый привал. Ноги налились свинцовой тяжестью, каждый шаг отдавался тупой болью, а дыхание вырывалось короткими облачками пара, растворяясь в морозном воздухе. Холод пробирался сквозь многослойную одежду, словно невидимый хищник, настойчиво ища малейшую щель, чтобы добраться до кожи. Снежная пелена то сгущалась, то редела, превращая окружающий мир в хаотичную смесь белых и серых мазков, где невозможно было различить ни дороги, ни горизонта. Мы почти потеряли счёт времени, шаг за шагом утопая в безмолвии зимней пустоши, когда сквозь тонкую завесу метели внезапно заметили тёмное очертание – неясный силуэт, который манил к себе, обещая спасение или, возможно, новую опасность.

Сначала я подумал, что это игра воображения: усталость и холод нередко вызывают галлюцинации. Но силуэт не исчезал. Он становился всё чётче, обретал форму, превращаясь в нечто реальное. В тот момент это казалось настоящим спасением. Мы ускорили шаг, несмотря на хруст снега под ногами. Каждый шаг отдавался тупой болью в мышцах, но мысль о возможном укрытии гнала вперёд. Ветер свистел, пытаясь сбить с ног, но мы упорно продвигались к цели.

Когда подошли ближе, перед нами предстал двухэтажный барак. Он стоял, слегка покосившись, словно уставший старик, опирающийся на невидимую трость. Облупившаяся краска на стенах обнажала древесину, местами покрытую пятнами сырости. Окна были выбиты – тёмные провалы зияли, как пустые глазницы. Несмотря на столь устрашающий вид здания, мы почувствовали облегчение: наконец-то укрытие от ветра и снега! Мы переглянулись – в глазах каждого читалась немая радость. Даже Виктор, всегда сдержанный и хладнокровный, чуть расслабил плечи.

Тяжёлая деревянная дверь скрипнула протяжно, словно предупреждая о чём-то. Мы вошли внутрь и торопливо закрыли её за собой. Звук захлопнувшейся двери эхом разнёсся по пустому зданию, заставляя нас вздрогнуть. Сняв лыжи, мы включили налобные фонари. Свет резанул по глазам, вырвав из темноты мрачный интерьер. Вместо ожидаемого тепла и уюта нас встретили пустые комнаты с ободранными стенами, покрытыми пятнами сырости и плесенью. Никаких признаков жизни.

Мы переглянулись в замешательстве, но вскоре решили разделить и обыскать здание. Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустых коридорах. Сквозняк, гулявший по зданию, пробирал до костей. Его свист был резким и пронзительным, напоминая звук стрелы, летящей к своей цели. В некоторых местах пол был настолько ветхим, что скрипел под ногами, угрожая провалиться. Мы ступали осторожно, стараясь не наступить на подозрительные участки.

Первая комната встретила нас старым столом, покрытым толстым слоем пыли, и несколькими поломанными стульями, чьи ножки были треснуты, а спинки покрыты глубокими царапинами. Они выглядели так, словно давно забыли о своём предназначении, став лишь частью этого мрачного антуража. Пыль поднималась облачками при каждом движении, заставляя нас кашлять и щуриться, чтобы хоть как-то защитить глаза. На стенах виднелись пятна сырости, а в углу стояла покосившаяся Этажерка, на которой лежали обрывки старых газет. Следующие помещения были похожи друг на друга: пустые, заброшенные, лишённые всякой жизни. В некоторых из них на полу можно было заметить следы когтей или странные тёмные пятна, словно кто-то пытался стереть следы своего присутствия. Но чем дальше мы продвигались, тем сильнее нарастало чувство тревоги. Казалось, воздух становился тяжелее. Что-то было не так.

В одной из комнат мы обнаружили нечто, от чего у всех замерло сердце. На старом деревянном столе стояла еда: тарелки с остатками засохшей картошки, кусочки хлеба, покрытые

плесенью, чашки с засохшим напитком, напоминающим чай. Всё выглядело так, словно те, кто здесь находился, в спешке покинули барак, оставив всё, как есть. Остатки недоеденной пищи уже начали портиться, распространяя удушливый, кислый запах, который заполнял всё пространство. На полу, покрытом толстым слоем пыли, валялись разбросанные вещи: мятая одежда с пятнами грязи, потрёпанные книги с порванными страницами, мелкие бытовые предметы, такие как расческа, сломанный карманный фонарик и пустая жестяная банка. Перевернутые стулья, сломанная мебель с торчащими гвоздями, следы, ведущие в разные стороны, словно кто-то в панике пытался убежать, – всё это говорило о хаосе, о внезапном и, возможно, отчаянном бегстве. На одной из стен виднелись царапины, будто кто-то пытался оставить знак или сообщение, но они были слишком неразборчивы, чтобы понять их смысл.

Мы продолжали обыскивать здание, но не нашли ни одного человека – только следы поспешного ухода. Что могло заставить людей покинуть тёплый дом в разгар снежной бури? Почему они бросили всё, не взяв даже самое необходимое? Труп мужчины неподалёку от поселения подтверждал: что-то явно выгнало людей на мороз. Но что? Что могло напугать и привести в ужас всех людей, заставив бросить всё накопленное добро?

На первом этаже у входа в дом мы решили разбить лагерь. Свист ветра, гулявший среди потрескавшихся стен, нарушался звуком пламени в газовой туристической плите, установленной в центре комнаты; шорохом шагов, раздававшихся по пыльному полу; тихим бульканьем закипающей воды в черном, закопченном котелке, который мы поставили на плиту. Вокруг царил полутьма, лишь редкие отблески огня освещали наши лица и создавали причудливые тени на стенах.

Керосиновые лампы, расставленные по углам комнаты, наполнили помещение теплым оранжевым, слегка мерцающим светом, который играл на стенах, создавая причудливые узоры из наших теней. Воздух был пропитан слабым запахом горящего керосина, смешанным с едва уловимым ароматом старого дерева и пыли. Мы начали готовить пищу, стараясь двигаться тихо, чтобы не нарушить хрупкую тишину вокруг. Кто-то доставал консервы, скрипя крышками банок, кто-то осторожно разливал воду в котелок, следя, чтобы ни капля не пролилась, а кто-то аккуратно раскладывал сухари на кусок ткани, стараясь, чтобы они не крошились. Изредка раздавались тихие перешёптывания, тут же стихавшие, – словно говорившие боялись потревожить окружающее напряжение, которое, казалось, висело в воздухе, как невидимая, но осязаемая пелена.

Темы разговоров витали в воздухе, словно невидимое облако: куда могли исчезнуть те, кто, казалось, должен был находиться в этом доме? Почему мы встретили лишь пустые комнаты и мёртвое тело мужчины? Что заставило людей бросить всё и уйти в бурю? Каждый из нас пытался найти ответы, но никто не решался обсуждать это вслух. Мы обменялись несколькими короткими репликами, но вскоре замолкли, погружённые в свои мысли. Когда еда была готова, а аромат чая наполнил помещение, мы сели вокруг плиты. Каждый взял свою порцию, но трапеза проходила в полной тишине. Никто не смотрел друг на друга – все избегали встречаться взглядами. Наши лица оставались напряжёнными, а глаза словно прикованы к голубоватым языкам пламени, пляшущим в центре нашего небольшого круга. Огонь был единственным, что сейчас могло дать нам хоть какое-то чувство безопасности и стабильности.

Я смотрел на пламя, как замороженный, наблюдая, как языки огня танцуют в тишине ночи, и думал: что ждёт нас завтра? Что скрывается за этой гнетущей тишиной, за этими пустыми, пыльными комнатами, за этим внезапным, будто паническим бегством людей? Вопросы множились в голове, как тени на стенах, но ответов не было, только догадки и тревожное ожидание. Только огонь, который потрескивал, словно шептал свои секреты, только тепло, обволакивающее нас, только надежда, что мы найдем людей, ведь в этом была наша задача.

Глава 4

Сегодня произошло нечто настолько неожиданное и пугающее, что до сих пор холодеет в груди, словно мороз пробрался внутрь и не отпускает.

Всё началось с крика – внезапного, оглушительного, разорвавшего тишину, словно лезвие плотную ткань. Мы сидели в бараке, проверяли снаряжение, обсуждали маршрут – и вдруг этот звук. Он донёсся откуда-то издалека, но прокатился по улицам с такой силой, что стёкла задрожали, а у меня внутри всё оборвалось.

Крик был странным. Не человеческим – и всё же похожим на человеческий. То ли рёв неведомого зверя, то ли искажённый вопль, пропущенный сквозь лабиринт узких переулков, где каждый звук отражался эхом, превращаясь в нечто пугающее и необъяснимое. Казалось, этот звук исходил откуда-то из глубин ночи, пробираясь сквозь туман и тени, заставляя сердце сжиматься от непонятной тревоги.

Мы замерли, переглянулись. В глазах товарищей читалось то же недоумение, смешанное с нарастающей тревогой. В воздухе повисло напряжение, словно само время замедлилось, давая нам возможность осознать странность происходящего. Кто-то предположил, что это ветер – мощный порыв, заблудившийся между домами, ударившийся о стены и превратившийся в этот жуткий, протяжный звук, от которого мурашки бежали по коже. Другие настаивали: это животное, крупное, возможно, забредшее в поселение из леса в поисках пищи или убежища. Но ни одна из версий не казалась убедительной – слишком уж странным и неестественным был этот шум, будто он исходил не из нашего мира.

В воздухе повисла тяжесть, словно сама ночь затаила дыхание, ожидая чего-то. Темнота за окнами стала иной – густой, осязаемой, будто скрывающей в себе тысячи невидимых глаз. Каждый скрип старых досок, каждый шорох ветра заставлял вздрагивать. Это был первый раз, когда мы – опытные поисковики – ощутили нечто настолько чуждое, настолько неизвестное. Воображение рисовало тени, шептало предостережения, но разум отказывался принимать хоть какое-то объяснение.

Спустя час мы собрались в спешке, стараясь не терять ни минуты. Проверяли снаряжение по второму кругу: крепление карабинов, натяжение ремней рюкзаков, плотность шнуровки ботинок. Обвязывались верёвкой, чувствуя её холодную шероховатую поверхность на перчатках – теперь это казалось не просто формальностью, а жизненной необходимостью. В этой снежной пелене, где горизонт сливался с небом, один неверный шаг мог стать последним, унести тебя в безмолвную белизну навсегда.

Ветер усиливался. Холод пробирал до костей, но медлить было нельзя. Мы сверили компас: стрелка дрожала будто, чувствовала наше волнение, – и двинулись к центральной площади. Расстояние было небольшим, но в таких условиях каждый метр превращался в испытание.

Снег падал сплошной стеной – видимость оказалась почти нулевой. Мы шли мелкими шагами, ощупывая путь, боясь наткнуться на обледенелый участок или скрытое под сугробами препятствие. Время от времени кто-то из нас выкрикивал в пустоту, надеясь услышать отклик, но тишина поглощала звуки, словно их и не было.

Очки быстро покрывались ледяной коркой – приходилось останавливаться, протирать их наспех рукавом, теряя драгоценные секунды, которые казались вечностью. Ветер выл, будто насмехаясь над нашими усилиями, пробирался сквозь любую щель в одежде и заставлял тело дрожать от холода. А снег всё шёл, шёл, шёл, ложась плотным слоем на наши плечи и превращая их в белые горбы.

Мы держались вплотную друг к другу, чувствуя тепло даже сквозь толстые куртки. Один – значит, мёртв. Здесь, в этом белом хаосе, где не видно ни горизонта, ни неба, одиночество равнялось гибели.

Ещё через некоторое время впереди показались деревья – старые, искривлённые, с корой, покрытой густым зелёным мхом и глубокими трещинами, словно шрамы, оставленные временем. Они стояли, как молчаливые стражи, вытянувшись к небу своими узловатыми ветвями, будто пытались заслонить что-то важное от посторонних глаз. Их причудливые силуэты создавали ощущение, что они жили своей тайной жизнью, охраняя то, что не должно быть найдено. И на каждом стволе – символы. Мы уже видели их раньше, в других местах, но так и не смогли разгадать. Линии были неровными, будто вырезанными в спешке дрожащей рукой, но довольно свежими, будто их нанесли совсем недавно: смесь древних рун и неизвестных алфавитов. Деревья тянулись вдоль тропы, словно указывая путь к чему-то, скрытому и тайному.

Я всматривался в эти знаки, пытаюсь найти логику, но чем дольше смотрел, тем сильнее сжималось сердце. Что это? Предупреждение? Метка? Или просто случайный узор, который наше сознание пытается наделить смыслом? Но нет. Это не случайность. Символы выглядели намеренными – слишком чёткими, слишком чужими. Они будто пульсировали в полумраке, шептали что-то на языке, которого мы не понимали. Что, если это послание? А если – ловушка? Мы смотрели на деревья, и каждый думал об одном и том же: кто оставил эти знаки? И зачем? Тишина, но призрачная и подозрительная. Ветер стих, словно затаился, наблюдая за нами. Мы двинулись дальше. Но теперь я знал: мы не одни. Нечто следило за нами. И оно знало, что мы здесь.

Глава 5

Время в поселении теряло всякий смысл – то ли сегодня, то ли уже вчера. Оно растворялось в этой бесконечной белизне снежного покрова, словно её поглотила сама тишина, такая густая, что казалось, можно было ощутить её на кончиках пальцев.

Мы увязали в снегу, который уже не казался просто препятствием: он будто живое существо, цепкое и настойчивое, пытавшееся удержать нас любой ценой. Каждый шаг был борьбой. Не только физической, но и моральной. Потому что с каждым движением вперёд мы всё яснее осознавали: остановка означала гибель.

Впереди шёл Виктор. Он был нашим якорем, последней надеждой на то, что мы ещё не заблудились окончательно. Его седая борода была покрыта инеем, словно застывшей паутиной, а морщины на лице углубились настолько, что, казалось, в них можно спрятать всю нашу тревогу. Он не произносил ни слова, лишь время от времени сверялся с картой – пожелтевшей, потрёпанной, будто пережившей десяток зим до нас. В другой руке он держал компас. Старый, но надёжный. Или, по крайней мере, мы в это верили.

Мы все верили. Но надежда – вещь хрупкая. Особенно когда вокруг был лишь снег. Бесконечный, безжалостный снег. Он скрывал дорогу, ориентиры, следы. Поглощал звуки, искажал пространство, превращал мир в однообразную белую пустоту. Я всматривался вперёд, пытаюсь разглядеть хоть что-то: дом, дым, малейший признак жизни. Но видел лишь пелену, которая, казалось, никогда не рассеется.

Вдруг Виктор резко остановил нас, подняв руку. Внутри меня всё сжалось, как будто предчувствие беды охватило душу. Остальные замерли на месте, тяжело дыша; их дыхание вырывалось белыми облачками, которые мгновенно растворялись в морозном воздухе. Лес вокруг нас казался бесконечным, его тишина давила, усиливая тревогу. Мы смотрели на Виктора, ожидая объяснений, но он молчал. Лишь хмурил брови, снова и снова перекладывая карту в дрожащих руках, словно пытался прочесть в ней скрытый смысл, которого там не было. Местность вокруг нас не соответствовала карте: холмы, которые должны были быть справа, исчезли, а замёрзший ручей, указанный на карте, был полностью скрыт под толстым слоем снега. Снег поглотил все ориентиры, стирая границы реальности. Мы потерялись, и осознание этого медленно, но неумолимо накрывало нас холодной волной страха.

И в этот момент раздался крик. Он разрезал тишину как нож. Резкий, пронзительный, полный такого отчаяния, что у меня кровь стыла в жилах. Я замер, забыв, как дышать. Остальные – тоже. Мы стояли, словно статуи, а звук эхом разносился по лесу, отражаясь от невидимых деревьев, проникая в самую душу. Это был не просто крик. Это было нечто большее. Нечто нечеловеческое и чужое. Или, может быть, слишком человеческое – настолько, что становилось страшно. Мы переглянулись. В глазах каждого был один и тот же вопрос: «Что это было?» Но никто не решился произнести его вслух. Мы просто стояли, дрожа не столько от холода, сколько от ужаса, медленно заполнявшего нас изнутри.

Я видел, что все включая меня пытались понять, откуда шёл звук. Но он словно растворился в воздухе, оставив после себя лишь леденящее ощущение присутствия. Присутствия чего-то... чужого. Мы были не одни. Эта мысль пришла ко всем одновременно. Я видел это по их взглядам. Мы все чувствовали это – чей-то взгляд, скользящий по нашим спинам, изучающий нас, оценивающий. Что-то наблюдало за нами. Что-то, что пряталось в этой молочной пелене, в завывании ветра, в трескучих ветвях. Мы были военными спасателями. Участвовали в десятках операций. Видели смерть, холод, отчаяние. Но никогда – никогда! – не испытывали такого. Такого чистого, первобытного страха, который парализовал, заставлял сомневаться в каждом шаге, в каждом вдохе.

Ветер выл, словно древний зверь, наполняя ночь холодным воем. Звук искажался, превращаясь в нечто злое, будто сама тьма пыталась заговорить. Каждый треск ветки в густом лесу звучал как предостережение, заставляя нас вздрагивать и настороженно вслушиваться в окружающую тишину. Мы переглядывались, и в наших взглядах читался немой ужас – мы понимали без слов: выхода нет, мы в ловушке.

Природа? Да, она была жестока и непредсказуема, но сейчас дело было не в ней. Нас пугало нечто иное, скрытое за плотной завесой ночи. Это было что-то невидимое, но осязаемое, словно само пространство вокруг нас оживило и наблюдало. Мы чувствовали на себе его пристальный взгляд, холодящий до костей. Оно было здесь, рядом, скрывалось в тенях, ожидая своего часа.

Глава 6

Мы шли сквозь белую пелену, которая, словно живой организм, поглощала нас, растворяла в себе. Ветер – не просто ветер, а нечто одушевлённое, злое, целеустремлённое – бил в лицо, пытался сбить с ног, вырвать из рук последние крупички тепла и надежды. И ему это удавалось – не раз. Мы падали – все без исключения. Падали в снег, который тут же облеплял нас, превращался в снежные доспехи. Но Поднимались. Поднимались, потому что остановиться означало сдаться. А сдаться в такую бурю – значит умереть.

Мы шли вслепую, в полной неизвестности. Что ждало впереди? Какие опасности таились за этой непроницаемой завесой снега и ветра? Мы не знали. Холодный ветер хлестал по лицу, оставляя болезненные уколы, а снег, словно бесконечный белый поток, застилал глаза, мешая разглядеть хоть что-то. Это незнание, эта абсолютная неопределённость оказались страшнее самой бури. Каждый шаг давался с трудом, ноги тонули в глубоком снегу, а пальцы рук, несмотря на перчатки, постепенно теряли чувствительность. Они разъедали изнутри, как кислота, заставляли сердце сжиматься от ледящего предчувствия, будто сама природа решила бросить нам вызов, проверить, выдержим ли мы её суровое испытание.

И вдруг – свет. Сначала я подумал, что это галлюцинация: от холода, усталости и страха мозг начал выдавать желаемое за действительное. Но свет не исчезал. Он пробивался сквозь снежную пелену – тусклый, дрожащий и реальный. Мы ускорили шаг – насколько это было возможно в тех условиях. Вскоре перед нами возникло строение: ещё один барак, такой же, как и тот в котором мы уже побывали. Но сейчас он казался не просто зданием – он был спасением.

Дверь поддавалась не сразу. Она упиралась, словно живое существо, защищающее своё логово. Но мы дёрнули её на себя – и вот мы внутри. Внутри было теплее, чем снаружи, но не сильно. Внутри, как и в предыдущем бараке, гулял сквозняк и витали крупички снега. А также было пусто. Первым делом – огонь. Девушки, едва переступив порог, бросились к старой печке в углу. Их движения были резкими, судорожными, но точными и уверенными. Они знали: огонь – это жизнь. Спички дрожали в окоченевших пальцах, но они справились. И вот – пламя. Маленькое, робкое, но живое и спасительное. Оно затрепетало, заиграло, начало расти, наполняя темную комнату тёплым, дрожащим светом.

Я смотрел на них – на их лица, ещё недавно бледные, почти прозрачные от холода и страха. Теперь они розовели в отблесках огня, оживали. Их глаза, до этого пустые от усталости, загорались искрами надежды. Они сгрудились вокруг плиты, как стая волков, наконец нашедших добычу после долгой охоты. Но это не было хищное собрание – это было единение, тепло, жизнь.

Тем временем мы – мужчины, ведомые Виктором, – приступили к осмотру. Это уже стало своего рода ритуалом: каждый раз, входя в новое здание, мы следовали выработанному алгоритму. Сначала тщательно осматривали входную зону, проверяя двери, окна и возможные укрытия. Затем, двигаясь по часовой стрелке, методично прочёсывали каждую комнату, не пропуская ни одного уголка. Мы обращали внимание на малейшие детали: следы недавнего пребывания, оставленные вещи, запахи, звуки. Наша цель была ясна – найти выживших. Тех, кто мог нуждаться в помощи, кто, возможно, ждал спасения. Но при этом мы не теряли бдительности, понимая, что можем наткнуться на тех, кто представляет угрозу. Каждый шаг сопровождался напряжением, ведь неизвестность таила в себе как надежду, так и опасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.